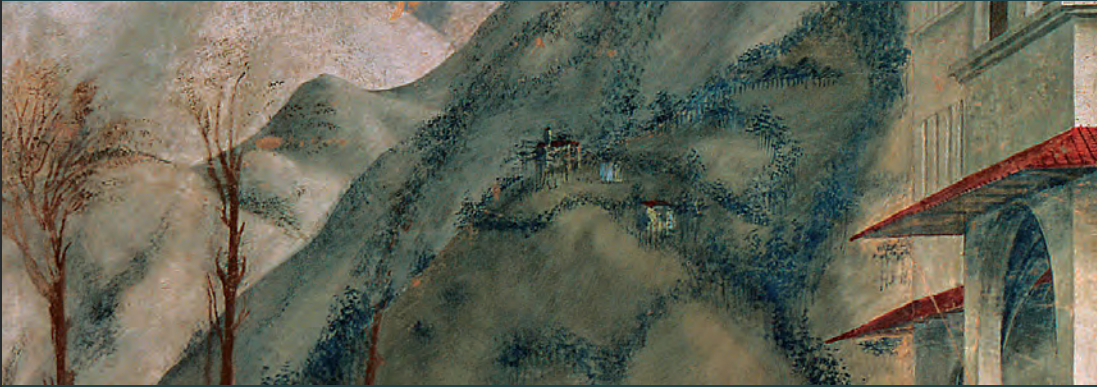

Михаил Иверов

Метехский мост

Михаил Иверов

Метехский МОСТ

Москва

«Воймега»

2014

УДК 821.161.1-1 Иверов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
И25

Художник серии: Сергей Труханов

М. Иверов
И25 Метехский мост. — М.: Воймега, 2014. — 76 с.

ISBN 978-5-7640-0155-5

© М. Иверов, текст, 2014
© С. Труханов, оформление, 2014
© «Воймега», 2014

* * *

Была здесь улица — она
меняла имена, как платье,
её не смог бы отыскать я
сквозь города, сквозь времена.

Зачем же вижу я во сне
мне улицу давно чужую,
зачем же про себя твержу я
слова, несвойственные мне?

Так посторонний человек
случайную обронит фразу,
её вместить не можем сразу,
но повторяем целый век.

Метехский мост

შენ ხარ ვენახი...*

Я видел виноградники зимой,
их силуэты чёрные на фоне
коричневой, лоснящейся, живой
бессмертной глины, сложенной на склоне
террасами, ведущими туда,
где облака плывут, как караваны,
и где ветра, свободные, как сваны,
из камня высекают города.
Лоза без листьев — древний алфавит,
в гортань заключены его осколки,
пребудут на террасе, как на полке,
и книга Царств, и Числа, и Левит.

Внизу был город весь как на ладони,
была ладонь заветная тепла;
немного замедляясь у Сиони,
река неукротимая текла:
о, сколько раз вода в ней потемнела
не оттого, что таяли снега,
храни свои святыни, Сакартвело,
и этот мост, и эти берега.

Мы — в землю нисходящие послушно
наполненные квэври. Простодушно
устремлены открытые глаза
туда, под облака, под образа.
Кто виноградарь? Где его лоза?

* Ты еси лоза истинная (груз.) — «Шен хар венахи», древний грузинский хорал, текст которого написан царём Деметре I в XII веке.

Возрадуйся, божественная глина!
Гляди: равноапостольная Нина
в мехи вливает новое вино,
вовек да не отвергнет нас оно!

* * *

Р. Р.

Защищены, но не слишком права
у Мнемозины.
Сквозь снегопад проступает Москва
болью руины.

И обывателя сводят с ума
краны-трудяги,
кажется, это уже не дома,
а саркофаги.

Срокам исполниться и временам
необходимо,
или же не были явлены нам
образы Рима?..

Там — Капитолием гордым глядит
холм за Неглинной,
фрондой опричной своей знаменит,
спесью старинной.

Тут Авентином разбавленный Рим
смотрит плебеем:
барин, по-вашему не говорим,
не разумеем.

Пусть продувают сквозные ветра —
небу открыта
площадь Соборная гробом Петра
митрополита.

Шествие на осляти

Когда воссел митрополит
постом Великим на осляти,
не сам ли царь пред ним стоит
со взором кроткого дитяти?
И вёл смиренно под уздцы,
и Вербным было воскресенье,
и было царственным смиренье,
дивились гордые стрельцы.

И занялась над ним заря
и Ярым созерцала Оком
деянья Грозного царя:
согласно временам и срокам,
о Грозный царь, преткнёшься ты,
и царское прославят имя,
и в Новом Иерусалиме
воспримут русские черты!

...Но соблазнились о тебе
великомудрые потомки.
Зашлись в лукавой ворожбе
уста заморской экономки,
медоточивые уста.
И мнят поднесь земные власти
Россию разделить на части,
как ризы Господа Христа.

На оседлание Пегаса стихотворцем N

Молвой причисленный к немногим,
надеешься, в заочны дни
судить тебя судом нестрогим
уже условились они?

Ужален ежедневной мухой,
лелея нищевродский стих,
любимец черни ослоухой,
ты будешь равным среди них.

И русской музе терпеливой
всё тщишься преподавать урок,
но иноходец твой ретивый
хоть горбунок, да не конёк!

Что держит вас, какие узы
вблизи от наших алтарей?
Здесь целомудренные музы
венчали подлинных царей!

И кто теперь её избранник?
В какой-нибудь из ясных дней
богов стремительный посланник,
быть может, явится пред ней.

Читать таинственные знаки
до той поры обречена,
как если бы царя Итаки
узнать надеялась жена

в толпе бродяг и побирушек,
среди развязных женихов,
их отвратительных пирушек,
их оскорбительных стихов.

* * *

Врага досужего кляня,
вдруг оживишь его химеры.
Есть дар любви и подвиг веры,
всё прочее — не для меня.

Есть благодать и есть закон.
Врага досужего и злого
твоё ли образумит слово,
дай руку мне, Иларион.

Первоисточник верный мой,
не научи меня закону,
но, как наглядную икону,
мне истину мою открой.

Ах, если б ангел твой, скорбя,
явился мне и молвил: «Ну же,
венец творенья неуклюжий,
пойдём, есть дело для тебя».

* * *

А. А.

Петрова Божьей милостью поэта
я вёз архив в обычном рюкзаке.
Был Духов день. Сворачивалась Лета
в Садовое кольцо. Как по реке
троллейбус шёл. Я был в небесном ранге,
с тяжёлыми крылами за спиной,
былые времена как бумеранги,
как молнии сверкали надо мной.
Я нёс чужую огненную лиру,
и ноша мне была не по плечу:
она пропела городу и миру,
мне нечего сказать — и я молчу.
Но приводить к заветному порогу
ужели у неё такая власть?..

«Ах, Мишечка, спасибо, слава Богу!
Я дождалась».

* * *

...И ангелов я вопрошаю Твоих...

Игорь Меламед

Призывая Ангела Господня,
как о самом близком и родном
о тебе молиться мне сегодня...
Заклинаю только об одном:
ты в больничных горестных палатах
уповай на Господа живых,
чтобы Он послал тебе крылатых
милосердных ангелов Своих.

...Вы его за плечи обнимите
тёмной ночью, чёрным сентябрём;
я молю: о Ангел, о хранитель,
верным будь ему поводырём.
Кухня словно комната свиданий
рая или ада посреди;
Ангел смерти, демон оправданий,
прошлого его не береги.
Как же утомительны свиданья:
жало в плоть, предутренняя муть,
не дано от смертного страданья,
Боже, ни воскреснуть, ни уснуть.
Господи, зачем такие муки,
или дар в обмен на боли дан?
Если мог бы — взял его на руки,
на руках отнёс на Иордан.
Боже, где целебный Твой источник?
Сделай выносимым хоть на миг
жизни догорающий подстрочник,
вечности жестокий черновик...

Феодосия

памяти Габричевского

В Феодосии осень, гора
обезлюдела, брошены дачи,
вот и нам возвращаться пора.

Со двора аромат — не иначе
как ухватистый дед Валентин
полный чан очистительной чачи

перегнал потихоньку один,
и по трубке стекает награда;
он хитёр, как Ходжа Насреддин, —

говорил, нынче нет винограда,
и выходит фальшивый пророк
из осеннего райского сада

и даёт мне на пробу глоток.
В Феодосии осень, отары
повернули на юго-восток,

их ведут молодые татары
к берегам помутневших озёр,
а над ними пылают Стожары,

это зимнего неба дозор.
И, вселенной своей тайнозритель
и нисколечко не фантазёр,

сквозь очки, словно сельский учитель,
наблюдает явление Плеяд
мой Вергилий, мой щедрый даритель.

В Феодосии осень, закат
растекается огненной лавой
у подобия адовых врат,

и, увенчан недоброю славой,
из пучины восстал Карадаг
вулканической гидрой стоголавой.

В каждой складке — таинственный знак.
Но единой ландшафтной иконой
лик земли открывается — так

средоточием жизни исконной
были издавна эти холмы.
Или ордами, пешей и конной,

или некими духами тьмы
сметены друг за другом народы.
Вслед за ними уходим и мы.

Ты достойна возвышенной оды,
Феодосия пасмурных дней,
сколько воздуха, сколько свободы!

Я простился тихонечко с ней
там, где мальчик-татарин, подпасок,
выводил к перевалу коней,

где, хозяин и ветра и красок,
среди чёрных безжизненных скал
галерею трагических масок

Понт Эвксинский всю высекал.
Так ответь же, бессонный возница,
что ты здесь наконец отыскал?

Помнишь, северных птиц вереница
над простором родимой земли...
Отчего-то всё чаще мне снится

Покрова на Нерли.

Клавдия Прокула

1

...его супруге снился сон:
её ведут по галерее,
минуют лестницу, балкон,
с ней рядом греки, иудеи.
Одежды странные на них,
каких не носят в Палестине.
Народ на форуме затих.
Арена. В дальней половине
какой-то шум. Взошёл легат
на возвышенье. Конский топот
и вопль восторженный солдат.
В народе осторожный ропот.
Ей снова пытка предстоит,
но пострадать она готова.
Сверкает явь. Она не спит.
И это брезжит *vita nova*.

2

Сокрять презрения не мог
работой утомлённый воин:
«Ответствуй, старче, кто твой Бог?»
«Узнаешь, только будь достоин».
«Ответствуй, для чего они
вчера покорно отрекались?
В них перемену объясни,
мы отпустить намеревались
их всех. Теперь идут в костёр
и в пасть отверстую без страха,

как будто Некто длань простёр —
и благом обернулась плаха».
Он на мучителей своих
глаза сияющие поднял
и молвил: «Се через живых
ожили мёртвые сегодня».
Не разумея ничего,
сыны погибели пытали:
«Как имя Бога твоего?»
Уста благие отвечали:
«Подобно человеку, Он
не знает имени...»

3

На этом
тревожный оборвался сон...
Она отправила с рассветом
о том известие — супруг
уже сидел в судейском месте,
едва скрывая свой испуг
от полных зависти и лести
первосвященников, — они
всё пронизали от начала.
Внизу «распни Его, распни»
толпа безумная кричала.

Мазаччо

Взамен орнаментов, узоров
и самых утончённых грёз,
расшитых золотом камзолов,
единорогов и стрекоз,

взамен изысканнейших линий —
весь холод правды пред тобой;
должно быть, так ложится иней
к ногам, натруженным ходьбой.

Апостол исцеляет тенью,
за ним калеки поднялись,
он был свидетель Воскресенью,
а эти — верою спаслись.

И рвутся сети от улова,
и тот ли это ученик,
что в суть услышанного Слова
однажды, как дитя, проник?

«Ты дал глаголы жизни вечной.
Куда же от Тебя идти?» —
сказал он в простоте сердечной,
остановившись на пути.

Ни птиц, ни бабочек прекрасных,
и сети падают из рук,
когда перстом Христовым властно
апостолов очерчен круг.

Клеопа и Лука на пути в Эммаус

Удержаны мои глаза,
простите, бабочки и птицы,
но надвигается гроза,
и надо бы поторопиться;
кто позаботится о нас?
С тех пор как мы осиротели,
бредём, не разлепляя глаз,
без утешения, без цели...
Откуда спутник наш узнал
о тайной вечере, о чаше;
когда об этом толковал,
не сердце ли горело наше;
душа, как птица на груди,
давно ли так была согрета?

— Останься с нами, не ходи
в селенье сумрачное это.
Есть хлеб у нас и есть вино,
для ужина не так уж мало,
нам это Господом дано,
и этого всегда хватало.

— Останься с нами — не видна
дорога, потемнело небо.
...Вдруг отделилась пелена
от глаз, когда частицу хлеба
Он преломил, явив Дары
для них как трапезу простую.

О, сердце сумрачной поры,
зачем ты бьёшься вхолостую?

* * *

На свете всё проходит,
И даже эта ночь...
Арсений Тарковский

О сад, какая радость мне
в благоухании и цвете?
Я тихо плачу в стороне,
и благодатны слёзы эти.
Я плачу, и в слезах моих
вся горечь будущей разлуки.
Ещё темно, и сад затих,
и лепестки ложатся в руки.

Затихли травы на лугу,
затихли мёртвые в могилах,
я плакать больше не могу
и слёз остановить не в силах;
я женщина, и плачу так,
как плачут женщины простые,
о Господи, подай мне знак,
что слёзы эти не пустые.

Кто здесь ещё? Не подойду,
останусь тенью незаметной.
Блажен, кто трудится в саду
в благословенный час рассветный.
Ему спокойно, он один.
Зачем явилась до зари я...
«Скажи мне, добрый господин,
не ты унёс Его?» — «Мария!..»

* * *

Сестре

...И вечер был. И были свет и тьма,
и ночь, как затаившаяся птица, —
чужие впереди стоят дома
и железнодорожная больница,
и улица, которой больше нет
среди судьбой составленных маршрутов
тому назад не так уж много лет.

И, все пути счастливо перепутав,
из ветхого депо ползёт трамвай,
старинную пекарню огибая,
и запах хлеба — словно пропуск в рай,
и стук колёс — как звон ключей от рая...
Под окнами развешано бельё,
экран для снов, и этот мальчик — я ли?
Здесь детство коммунальное моё
в уютный космос туго пеленали.
Здесь на кругу трамвая тихий люд
застыл ещё, должно быть, в прошлом веке —
трамваи в нашем городе живут
подобно чувствам в старом человеке.
А нам с тобою некуда спешить,
и времена другие наступили,
и нам не суждено свой век прожить
среди этих красок, запахов и пыли,
где всякий — будто родственник тебе
и всякому ясна его забота,
где человек выходит за ворота,
а город — равен миру и судьбе...

* * *

Помню, отец на рыбалку ночную
взять обещался меня наконец;
спорят родители: как обману я
сына? — и на руки поднял отец
и посадил на железную раму,
велосипед полетел в темноту,
я, в забытьё провалившись, как в яму,
замер комочком живым на лету,
не разделённым на душу и тело,
было мне от роду несколько лет,
видел, как медленно небо адело,
не понимая, что это рассвет.

И расступались днепровские плавни
там, где народ в старину баловал,
вольный народ, обиход стародавний,
наполовину разрушенный вал,
тихий напев, незакрытые ставни,
над колыбелью прекрасный овал.

Только в младенчестве правда святая,
детство — как зеркало передо мной,
я закрываю глаза: молодая
мама ступает дорогой земной...

Что мне осталось от этого скарба?
Вижу отчётливо, как наяву:
выудил папа зеркального карпа,
передо мной положил на траву.

* * *

Мне чья-то привиделась юность,
огни, голоса над рекой,
как будто бы ты оглянулась
и мне помахала рукой.

А где-то на самом пределе,
по самому краю земли,
закаты безумно горели,
как только закаты могли.

Как будто меня позвала ты,
а я — это вовсе не я..
Мы крепко с тех пор виноваты,
незрячая юность моя.

* * *

— Не знаю я, как долго это длится,
я вижу сны истерзанной земли.

— Мы встретиться иначе не могли,
на свете ничего не повторится.

— Как странно оказаться снова здесь,
любимый мой, кто я теперь такая?

— Весь дождевыми каплями сверкая,
как будто бы в слезах счастливых весь,
был сквер на этом месте. Не спилили
лишь несколько деревьев вековых,
быть может, стала ты одним из них.

...Среди камней, коллекторов и пыли,
в хаосе перекрёстков, площадей,
по теплотрассам мира, неприкаян,
как ангел электричек и окраин,
в обход строений, дальше от людей —
к бесшумно облетевшей за ночь кроне,
где выпростала крылья, чуть дыша,
в нерукотворной солнечной короне
уже развоплощённая душа...

* * *

И Россия, как белая лира...

Георгий Иванов

Побудь же ещё хоть немного, покуда
не выпадет снег в изумрудном саду,
не чудом — хотя бы возможностью чуда,
возможностью музыки в тихом аду.

В саду городском, где витийствует выюга,
где, треснув, стволы оседают на снег,
о, только б коснуться ветвями друг друга,
в объятиях сжав напоследок, навек.

Страшны этой ночью сады городские:
ломаются ветви, закованы в лёд,
они тяжелы, словно судьбы людские,
об этом и выюга ночная поёт.

А мне и с тобою в ночи одиноко,
и ведает бедное сердце моё,
что все мы в ответе за музыку Блока,
что скоро и вовсе не будет её.

«Вечерняя молитва» Милле

Те, кто правды взыскуют своей искони,
те, кто в лодку ступили, отбросив весло,
неужели тебе доверяют они?
Красота и возвышенность — не ремесло.

Может быть, на тебя уповают, поэт,
те, в ком всякую меру превысило зло,
для которых уже утешения нет?
Красота и возвышенность — не ремесло.

Нарисуй им того, кто за плугом идёт,
чью молитву в широкую степь унесло,
объясни им земли годовой оборот.
Красота и возвышенность — не ремесло.

Если меркнет над ними божественный свет,
если мутным навеки осталось стекло,
разве можешь ты что-нибудь сделать, поэт?
Красота и возвышенность — не ремесло...

* * *

Дворняги лают по дворам
на чужаков и друг на друга,
мороз в кресты оконных рам
четыре вписывает круга;
а ели, словно пастухи,
не шелохнутся — онемели,
вдали пропели петухи,
немного наклонились ели
на свет, идущий изнутри,
едва заметное мерцанье,
божественный, как цифра три,
как всякой цифры отрицанье.

* * *

...И вы, кто заповедал мне молиться,
и вы, кто заповедать не успел,
покуда этот мир не прекратится,
уснувшие, вы будете мне сниться,
в ночи моей мерцают ваши лица,
безжизненные, белые, как мел.

Господь и Бог мой, верных не остави
и в царственном священстве утверди.
Вернее веры, явственнее яви
на них вовек стоять Твоей державе;
гряди же, Вседержителю, во славе
возлюбленных и верных посреди
и посреди положенных вне стана,
которых той же кровью искупил;
тепла, как земляничная поляна,
земли Твоей сияющая рана —
от катакомб святого Себастьяна
до безымянных бутовских могил...

Полевая почта

Недужен Ферапонтов монастырь.
Над Бородавским озером — метели,
во всю его андроновскую ширь
поют ветра, раскачивая ели.
Давно закрыта церковь Рождества
Пречистой Богородицы. Монашки
рассеяны по свету, как листва,
как содранные с лиственниц рубашки.

Им кипятку крутого подольют
и лагерь напророчат без утайки.
Над Ленинградом — праздничный салют,
а мимо проплывают, словно чайки,
блаженные кораблики судьбы,
святые треугольники надежды,
туда, где отверзаются гробы
и вырастают новые одежды.

На адресах истлели имена,
но есть голосники в забытом храме,
и ангелы читают письма, мена,
слова, в конверты сложенные нами,
бессмертные, скупые, в пару строк,
те весточки, отправленные с фронта.
А птицы улетают на восток,
домой, домой, в обитель Ферапонта.

* * *

Anima naturaliter christiana.
*Tertullianus**

Итальянка, христианка,
над собою ты вольна,
не забыла ли, беглянка,
где родная сторона?

На цепи, как обезьянка,
загрустила у окна,
или всё это изнанка
неразгаданного сна?

Я восхíщен на мгновенье
в ослепительный чертог,
но позвякивают звенья —

и уже меня увлѣк
ложный след стихотворенья,
изворотливый зверѣк.

* Душа по природе христианка. — Тертулиан (*лат.*).

La stazione di Venezia Mestre

Не помню, полустанок ли, вокзал,
неитальянской речи отголоски,
ни платья не запомнил, ни причёски,
но все слова, казалось, разобрал.

А правда ли, возьми да и спроси я,
есть поговорка сербская одна?
И за меня продолжила она:
на небе Бог, а на земле — Россия...

* * *

Се есть новый Костянтин великого Рима,
иже крестився сам и люди своя крести.

Повесть временных лет

Светаёт. Узором ложатся следы
на белый, как снег, солончак;
а степь для тебя распахнула сады,
сквозь ночь провела от звезды до звезды,
затеплив, как свечку, очаг.

Тебе оставляю я право твоё.
Что сгрудилась свита твоя?
Иль вольное ей не по нраву житьё,
иль, может, в Корсуни приветить её
велел не по-княжески я?

«Довольно ли им благородных принцесс?
Чем варвара нам задарить?»
«Кончается степь, начинается лес».
«Вот разве что вера, но, взяв Херсонес,
возможно ль её сохранить?»

И всё-таки ты улыбаешься мне,
глаза рукавом отерев;
летишь на арабском своём скакуне,
и яблоки падают, будто во сне,
среди неподвижных деревьев.

...Нелёгок на север порожистый путь
с поклажей из царских невест;
о, только обратно бы не повернуть,
в степи не пропасть, на реке не уснуть,
храни их, Андреевский крест!

Вернутся ли в Рог Золотой корабли
и будет ли с ними ковчег?
Чтоб мы до последнего не обрели
пленный палладиум Русской земли,
поставлен над ним печенег.

* * *

И умру я не в летней беседке...

В. Набоков

Где умственное сплошь бесстыдство,
там возражать — напрасный труд,
там лень и нелюбопытство
за добродетели сойдут.

Взамен люблю обычай древний,
китайгородскую Москву,
замоскворецкую деревню —
и варваром меж вас слыву.

Босфор люблю малороссийский
и дальних маяков огни,
ночной Тамани берег близкий,
где, может быть, окончу дни

не при докучливой супруге,
а в линии береговой,
да в доброй дедовской фелюге,
да при погоде грозовой...

* * *

Отложился владетельный князь,
не оставил наследника нам,
и дружина, меня сторонясь,
по глухим колобродит углам.

Что мне делать с его ярлыком
и куда мне направить коня,
простою ли засадным полком
до победного Судного дня?..

* * *

О, сколько помрачительных халдеев
взлелеяла родная сторона —
библиотек не хватит и музеев,
чтоб их увековечить имена.
Любимцы Феба, все вы не умрёте:
вот этот — потому как плодовит,
хоть изваян как будто не из плоти, —
в ночи барочным ангелом парит;
вон тот, встречая день произведеньем,
добыл его магическим путём;
а этот, не терзаясь сомненьем,
составил из Шекспира целый том,
и потому бессмертен он, вития,
и, по всему, прекрасен перевод...

Не плачь о них, пророк Иеремия:
то — сердцем необрезанный народ.

* * *

Пылают свечи. Мышь скребёт под шкафом.
«Герр доктор, полночь».

И. Б.

Увы, гармонии в прогрессе,
а в ретроградстве правды нет,
так размышляет à la Гессе
по совместительству поэт.

Но в кабинет влетает фея
и говорит ему: постой,
Евангелие от Матфея,
глава седьмая, стих шестой.

* * *

Славьте Господа, ибо Он благ,
ибо вовек милость Его.

Псалтырь

Дай мне, Боже, меру ума,
ровно столько, чтобы вместить:
если Ты есть любовь сама,
для чего нужно аду быть?

Многомилостив, не жесток,
не вмени слепоту во грех,
допусти их в святой чертог,
умоляю: помилуй всех.

...И, псалма повторяя стих,
он молился ночью и днём,
но услышал в сердце своём:
разве ты распялся за них?

* * *

Я повстречал единственную ту
на подступах к мистическому Джвари.
«Ты одолеть сумеешь немоту», —
мне голос был нежнее сазандари,
и голосу не мог не верить я..

О странница моя и чужестранка,
в какие заведёшь меня края
и бросишь у какого полустанка?
Скажи, зачем ты выбрала меня,
твоя известна женская повадка:
сперва диктуешь мне при свете дня,
лишь я усну — другому шепчешь сладко.

Но иногда приходишь и во сне,
тогда мы разговариваем или
плывём с тобой по Волге, по Шексне,
куда, на Валаам, на Соловки ли?
Ах, милая, я больше не ропщу —
свободна ты, свободен я, и что же?

Срази меня, о милосердный Боже,
когда я в срок её не отпущу.

Бессонница

1

До рассвета, до гомона птичьего,
до отчётливых криков ворон,
проникая решётку ресничную
с четырёх обозримых сторон,
с незапамятной даты, с рождения,
первобытному миру сродни,
чередуются эти видения,
и ведь что-нибудь значат они!

Утлый разум наш, терпящий бедствие,
их не может постигнуть за раз,
потому что причины и следствия
промыслительно скрыты от нас;
и, бессонницей нашей оплачена,
из каких очарованных мест
потянулась к нам всякая всячина,
чтобы вновь поселиться окрест?

2

До рассвета нас мучит бессонница,
вот погасли внизу фонари,
всколыхнулась небесная конница —
облака, вестовые зари;
проявилась заря и растаяла,
и соделалось небо ясней,
мимолётна, увы, красота её,
я уже сожалею о ней;

баснословная эта красавица
увлекла, обожгла, не согрев:
и серебряной крыши касаются
золотые верхушки дерев;
а уж если действительно явлена,
то проводит по векам она,
не спеша, словно пробуя яблоко,
проникая до самого дна.

3

Утлый разум наш, терпящий бедствие,
до того ненадёжный предмет,
что всему отыскать соответствие
у него дерзновения нет,
ни дворца, ни пустынного жительство,
ничего не наследует он...

Под окном развернулось строительство,
вот газеты принёс почтальон;
весь в оранжевом, дворник сутулится,
монотонно кричит продавец,
и всюю голосящая улица
успокоит меня наконец;
перебранками, криками птичьими,
в час, когда я почти невесом,
голосами своими напичкает,
ниспошлёт утешительный сон.

Звон небытия

1

Из сочленения молекул
согласно замыслу Творца
мне вылепили человека
для подвига и для венца.
Благословив земное чудо,
в рай удаляется Господь.
...Бредёт по лужам ниоткуда
душа, облекшаяся в плоть,
на ней ещё огонь небесный,
я не скажу: она моя,
покуда помнит образ бездны
и слышит звон небытия.

2

В дальней комнате, в окошке
замерла, как истукан;
мельхиоровая ложка
звонко падает в стакан.
...Не царица Курдистана
просияла у окна —
выплывает из тумана
серебристая луна;
звёзды светят, как лампы,
отражаются в пруду,
из полей выходит стадо,
засыпая на ходу;

по таинственному кругу
человека водит бес;
овцы трутся друг о друга —
озаряют искры лес,
и, молитвами одними
сияясь к дому повернуть,
пастухи плывут над ними,
наступив на Млечный Путь;
человек идёт с востока
из-за леса, из-за гор,
в вихрях встречного потока
серебрится Мельхиор.
...Ложка в радужном стакане,
а в окошке — дивный свет,
колокольчики в тумане:
звон тот свет тот звон тот свет...

* * *

Комедиант, бродяга, мим,
с душой моею несовместный,
вдруг оказался совместим.

В убожестве гримёрки тесной
как глупо к славе ревновать!
В любви земной, в любви небесной

зачем я начал прозревать
сухие семена распада
и смерть-вакханку призывать?

Ступай, прощаться нам не надо.
Ты вышел, словно Жан Кокто,
из целлулоидного ада;

тебя не встретил там никто.
Дорогою комедианта
иди вослед за шапито,

дорогой Данта.

* * *

Я шёл сквозь лес. Был день как день.

Под старую сосной
досужий бес присел на пенёк
и говорил со мной:
«Ещё жива душа твоя?
Владея ремеслом,
всё для тебя исполню я.
Проси, Авессалом!»

«Где лодки острое ребро
взметнуло ил со дна,
всю ночь чернила серебро
зелёная луна;
почти бесплотная рука,
браслеты из травы,
глаза закрыла мне, слегка
коснувшись головы;
и, подымаясь над рекой,
душа моя, как знать,
блаженный обретёт покой,
иную благодать.

Я — только тень среди теней,
и что теперь твой дар,
ты опоздал придти за ней,
простимся, Велиар».

Ветхий Адам

1

«Маркиза вышла ровно в пять.
В одиннадцать была убита».
«Теперь в немецкой слободе
не отыскать живого немца».
«Наш Германн так любил играть
остросюжетные гамбиты».
«Но почему всегда к воде
ведут судьбы моей коленца?»

Выходит к Яузе Адам,
несвязные бормочет фразы,
зимы подтаявший плацдарм
весны боится, как проказы;
через Лефортово пешком
Адам спешит в свою сторожку,
она присыпана снежком
и сном рождественским немножко.
Сияет царственная ночь,
горит звезда Альдебарана,
себя не в силах превозмочь,
Адам садится у экрана.

Смотри внимательно, Адам:
уже расставлены фигуры,
наведены лорнетки дам,
пристёгнуты клавиатуры;
там — стиль «плетение словес»,
тут — сказки призрачного леса,

не зная собственного веса,
досужий примостился бес
удобно на плече Адама,
и шепчет странные слова,
и повторяет их упрямо:
Адама никнет голова,
клонится голова Адама —
она запуталась в сети,
как бражник в липкой паутине,
писал об этом Младший Плиний,
закладку только бы найти...

2

Я наг, я нем и ошарашен,
уйди, не мучь меня, не тронь —
как Ветхому Адаму страшен
преображения огонь!

На вавилонской колеснице,
гоним Архангела трубой,
двадцатый век, слепой возница,
прогрохотал по мостовой.

Стою в ночи на Швивой горке,
печальник, урка в зипуне,
монах в дырявой гимнастёрке...
Доколь оправдываться мне?

Мой грех есть выну предо мною,
Адама первородный грех,
сомкнулись за моей спиною
шеренги сущих во гробех —

я жив ценою этих жизней,
я их смертями умирал,
покуда век в моей Отчизне
на колеснице грохотал.

Великомученик Никита
склонил ко мне свои кресты:
«И впрямь душа твоя убита,
утешься, живым будешь ты».

От Швивой горки до Фавора
не близок путь и не далёк...
Рассвет. Обрывок разговора.
В окне напротив огонёк.

3

Весна. Высотка. Угол дома.
Мосты у Яузских ворот.
К реке душа моя влекома.
Течёт по улице народ
за витаминами в аптеку —
весной на витамины спрос.
Внизу — река впадает в реку.
Повсюду — авитаминоз.
Шагаю мимо бодрым шагом,
звенит капель на все лады,
струится Яуза оврагом,
сошлись в овраге у воды
бомжи — справляют именины
(об эту пору человек
приличный купит витамины) —

бомжи выносят из аптек
их сердцу милую настойку:
боярышник. Весна. Пустырь.
За ним капитализма стройка.
На дальнем плане — монастырь.
Весенний бомж, весенний ветер,
растаял ненавистный снег,
весна, весна на белом свете,
посередине — человек
как микрокосм и царь вселенной,
и всякой твари господин,
и предстоятель прикровенный,
зане от века бысть един,
и все его несовершенства
сплелись в божественном венце,
как будто заповедь блаженства
о нём исполнилась в конце.

Кто остановит весну?

Слабый царь, он предал нас. Всех нас —
на всё последующее.

А. Солженицын

Во двор грачи вернулись: здрасте!
Коты зажмурились от страсти
и морды кутают в меха,
весны такое самовластье
какие упразднят верха?

Как дети, водят хороводы
и революцию природы
вовсю приветствуют низы,
под дождь подставили народы
корыта, вёдра и тазы.

Соседка наша тётя Маша
помыла окна поутру;
вот так же я глаза протру,
мне красок чувственная каша
не по душе, не по нутру.

От ветра или от пощёчин
иду весь красный, весь всклокочен,
как некий обер-прокурор,
не в силе, не уполномочен
весне идти наперекор.

И лишь у храма старушонка
стоит с решительностью всей,
в руках — убогая иконка,
нет, не иконка, а картонка,
на ней — царевич Алексей.

* * *

Ты говоришь, что это не конец,
но мы разделены не временами:
нет ни родства, ни равенства меж нами
в таинственном согласии сердец.

Теперь тебе в дорогу — одному,
ступай, да будет жизнь твоя хранима,
иначе — невозможно, невместимо,
дай передышку сердцу моему.

* * *

— Поведай, отец, не тая,
зачем ты всегда одинок,
где нынче держава твоя?
— Под спудом, под спудом, сынок.

— Я слышу в ночи соловья.
Отец, преподай мне урок.
Где гордая песня твоя?
— Под спудом, под спудом, сынок.

— Добыть на охоте ты смог
диковинных много зверей.
А правда ли единорог...
— Он матери служит твоей.

* * *

Сладко живётся в родимом краю,
словно Адаму в Господнем раю,
но уведёт, человеком играя,
злая судьба из родимого рая,
видно, и ты согрешил, как Адам,
думая: родины я не предам.
Плачешь о жизни своей на чужбине,
плачешь о лучшей её половине,
о нераскаянной и окаянной
жизни своей, об отчизне желанной;
падает снег, укрывая дома,
тихая, долгая будет зима...

Письмо

Я написать правдиво не умею,
в моих чернилах — талая вода,
но ты не осуди мою затею.
Москва напоминает мне Сугдею,
пока не наступили холода.

Исправно отсылает директивы
из Генуи премудрый кардинал,
перелагая ветками оливы
составленный для нас оригинал.
Везут рабов с окраин ойкумены,
бояре дышат воздухом измены,
и козни строит ущемлённый лях.
За Яузой в заснеженных полях
ордынские разгуливают кони.
Закатный луч вошёл в иконостас.

Пылает Пантократор на иконе.
Игумен Сергей молится о нас.

* * *

Вещей очарование печально —
истлеют вещи. Стылая земля,
ни сна, ни пробуждения не чая,
встречала осень мира. Тополя,
горé воздев пылающие ветви,
молитву возносили небесам,
ветвей касались пламенные ветры,
и сам Господь провёл по волосам —

их обожгли небесные престолы,
сокрытые от нас из века в век,
как те неизреченные глаголы,
которых знать не должен человек —
и знание дано ему отчасти,
и видит он сквозь тусклое стекло...

Архангелы, господства, силы, власти
и ангелов великое число
теперь победной песни воссылали
досель неизреченные слова,
слова, которых, может быть, не знали
ни Руставели, ни Саят-Нова.

Истлеют вещи. Кончатся языки.
На площадях сбывает человек
вчерашнего величия улики.
Течение речи, как течение рек,
в людском неразлично океане,
но есть другой, великий океан,
и, Отчей повинующийся длани,
он, тихим светом Сына осиян,

свои валы катит не уставая,
страницы Книги будто бы листая,
где Божий Дух витает над водой
и тьма висит над бездною пустой.

Встреча

...В таинственной неласковой юдоли
я к тем примкнул, кто умер от тоски,
и скрюченными пальцами до боли
давил на пожелтевшие виски.

Неразличимы были наши лица.
Земля безвидна. Холодно. Темно.
Архангел, научи меня молиться,
быть может, здесь не так заведено;

одежды из какого материала
сама Любовь соткала для меня?
и как младенца перепеленала;
мне ангелы кивали, как родня;

одежды это или оболочка?
молчали чувства прежние мои,
на месте сердца болевая точка
напоминала мне о бытии.

Я умер не сирийцем и не греком,
но сам себя в гробу не узнавал,
а в жизни был я русским человеком,
пока меня Архангел не призвал.

Без шапки, с непокрытой головою,
пред ним стою в немыслимом строю,
успев помыслить точкой болевою:
«Архангел, помяни меня в раю».

* * *

...да светит свет ваш перед людьми...

Матф. 5:16

Нельзя житийного клейма
приладить к ложному преданью.
Есть склонность к самооправданию
у извращенного ума.

И не сложить о том псалма,
как странствуем по мирозданию
к иному, лучшему свиданию
я сам в себе и ты сама.

Но, может, в самый час исхода
неповреждённая природа
в нас просияет хоть на миг,

как свет, что светит человеку,
и я войду в тебя, как в реку,
постигнув, сколько я постиг.

* * *

А. С.

Ослеплённый волшебными снами,
а своей-то земле и не мил,
я ходил непрямыми путями
и нездешнюю правду любил.

Отпускал от себя что ни день я,
словно змеев воздушных, слова,
восходящий поток вдохновенья
увлекал их наверх — синева

их вела по невидимым вехам,
где над полем, а где над горой,
и вселенная рифменным эхом
отзывалась на голос порой.

А когда от меня отступила
дерзновенная правда моя,
всё пустое душа позабыла
и вернулась в родные края.

Стихотворные переложения
из грузинской житийной
литературы

Давид Гареджа

Было то в Давид Гареджа,
в несчастливую годину,
шах-Аббас жестокий занял
Караягскую равнину.
Там, где прежде кахетинец
посадил свой виноградник,
кизилбаши шли на запад,
пехотинец или всадник.
От часов уже далёких
зверонравного Тимура
не было такого горя
для картлийца и хевсура.

На охоту шах поехал,
ночь в пути его застала,
утомившись переходом,
свита сонная дремала;
так неспешно по равнине
едут всадники гурьбою,
вдруг глаза открылись шаха,
видит он перед собою:
движется в степи широкой
огоньков как будто море,
а на небе звёзды светят,
огонькам как будто вторя, —
то монахи из Гареджа
обходили крестным ходом
невысокую обитель
под высоким небосводом;

радуясь: «Христос воскрес!» —
в чистых ризах, со свечами
шли они и пели хором...
Гневно шах сверкнул очами.
«Изрубить! — велел он слугам,
не сойдя с коня лихого, —
чтоб к утру там не осталось
больше инока живого».
Приближённые Аббаса
удержать его пытались
от ужасного деянья:
«Лишь монахи там остались,
Пасху празднуют святую,
с ними мы в одной юдоли!»
Шах остался непреклонен
и велел не медлить боле.

В ночь пред утренею Пасхи
старец в келии молился,
некто именем Арсений.
Ангел в этот час явился
преподобному и молвил:
«О послушай, инок честный,
Иисус Христос, Господь наш,
призовет в чертог небесный
в эту ночь тебя и братьев,
к вам грядёт жестокий витязь,
от меча вам будет мука,
отче, духом укрепитесь,
кто страшится — пусть уходит,
всякому своя дорога,
кто останется, тот ныне
увенчается от Бога».

Вышел к братии игумен.
«Укрепитесь духом, дети,
призовет Господь на небо
нас сегодня на рассвете,
жизнь свою спасти желает
если кто-нибудь из братий,
тот пускай уходит с миром», —
так им молвил настоятель.
Юных послушников двое
скорой смерти убоялись,
удалились из Гареджа,
все же прочие остались.

Кончен крестный ход пасхальный,
отслужили литургию.
Входят воины в обитель,
а потом ещё другие.
К воинам отец Арсений
со слезами обратился
и окончить службу в храме
разрешения добился.
Причастившись Святых Таин,
вышли иноки из храма,
взял Арсений крест и жезл,
стал пред воинами прямо,
молвил: «Мы теперь готовы,
нет у нас пред вами страха,
ни во что не ставим, знайте,
вашего Аббаса-шаха,
не приемлем Магомета,
не иссякнет вера наша,
Иисус Христос — Господь наш,
от Него нам эта чаша».

Среди иноков достойных
усечён был первым старец,
и ещё шестьсот монахов
на земле лежать остались.

Те же послушников двое,
что бежали накануне,
удаляясь по дороге,
на обитель оглянулись
и увидели, как с неба
в место то венки спускались,
два из них на расстоянье
в небе жалко плыть остались.
Отроки, увидя это,
к храму скорыми шагами
поспешили, и у храма
были встречены врагами,
и бесстрашно перед ними
отвергали Магомета,
и Христа назвали Богом,
и казнили их за это,
и на месте их кончины
посреди сухой пустыни
роза выросла позднее,
как свидетель благостыни.

Преподобный Шио Мгвимский, чудотворец

1

Преподобный Шио Мгвимский,
старец богодухновенный,
слёз божественных и плача
образец благословенный,
родом хоть и был сириец,
в царстве Иверском прославлен,
Иоанном Зедазнийским
он духовно был наставлен,
в путь отправился однажды,
выбрав твёрдую дорогу,
собираясь потрудиться
одному лишь только Богу.

Где Куры высокий берег
омывается водою,
где порою твёрдый камень
заиграет под пятою,
отыскал в пустынном месте
Шио тесную пещеру,
там святой уединился,
укрепить желая веру.
Даже самой скромной пищи
не вкушал блаженный Шио,
сорок дней провёл в молитве, —
одолеть его решили
под конец лихие бесы,
с диким скрежетом и воем
напустились на святого
то по двое, то по трое:

«Князь, которому мы служим,
занят нынче Иоанном,
тем, кто был тебе наставник.
Знай, упрямец, утром рано
князь наш явится в пещеру,
устоишь пред ним едва ли».
Так молитвенного старца
бесы злобные пугали.

Был для них неуязвимым
наш подвижник дерзновенный,
на Спасителя надежду
возложил монах смиренный,
и в молитве непрестанной
ко Христу возвёл он очи,
на коленях вне пещеры
проведя остаток ночи.

Осиял святого Шио
на рассвете свет небесный,
был неведомо откуда
явлен старцу сонм чудесный —
и увидел Пресвятую
Богородицу и с нею
множество святых во славе,
более сказать не смею.

Подошла к святому Дева
и избавила от муки,
подала монаху нечто,
видом хлеб, вложила в руки
и велела то отведать —
он отведал не без страха,
тут же необыкновенной
сладости уста монаха

вдруг исполнились. Блаженный
Шио-праведник, отныне
голода не испытаеть,
словно Илия в пустыне!

2

Родина, тебя я славлю,
повторяя то и дело
вдохновенными стихами:
Сакартвело, Сакартвело!

О великом чудотворце
незаметно и не сразу,
но уже распространилась
слава по всему Кавказу.
Стала братия стекаться
в эту новую обитель,
подвизался там на подвиг
не один пустынножитель.

Вот идут к святому Шио
с жалобой своей монахи:
«Звери нас одолевают —
волки, лисы, росомахи,
барсы, рыси и медведи.
Что-то делать с ними надо,
сам ты видишь, преподобный:
истощилось наше стадо».

Произнёс молитву Шио,
и пришли к его пещере
все, которых мы назвали,
провинившиеся звери,

головами все поникли,
сгрудились, хвосты поджали,
вышел к ним суровый старец —
звери в страхе задрожали.

«Ведает Христос, Господь мой,
вас жалею я всем сердцем,
причинили много горя
вы моим единоверцам,
потому повелеваю
место выбрать вам другое,
несмышлёные созданья,
нас оставьте вы в покое,
но один из вас, вот этот,
пусть как следует послужит,
охраняя наше стадо,
и о том пускай не тужит».

Наутёк пустились звери
после сказанного слова,
только волк один остался,
по велению святого
стал пасти ослов, вкушая
ту же пищу, что монахи;
все же звери разбежались,
волки, рыси, росомахи...

Совершил блаженный Шио
многое на этом свете,
как могу о всём поведать
я, в ком дар едва заметен?
Родина, тебя я славлю,
повторяя то и дело:
будь же ты благословенна,
Сакартвело, Сакартвело!

Мученик Гоброн и с ним 133 воина грузинских

Властелин всего Востока,
всей Аравии тиран,
слову следуя пророка,
подчинил немало стран —
рвутся в бой его эмиры,
дышит мудростью Коран, —
привести решил к закону
непокорных христиан.

Осадил он крепость Квели;
нанесли ему урон
кахетинцы и картлийцы,
крепкий выставив заслон.
Среди воинов грузинских
отличался князь Гоброн —
по-арабски значит «храбрый»,
не ушёл за стены он;
оттеснив врага от Квели,
видит: силы не равны;
испросить решился мира
у противной стороны,
вот уже Абул-Касимом
обещания даны —
обманул послов грузинских,
нет Гоброна в том вины.

Тонкой струйкой над долиной
подымается туман,
пеленой окутал горы.
Затаился вражий стан.

В эту ночь исполнен будет
злонамеренный обман.
Ворвались под утро в крепость
тысяча магометан.

На рассвете пала Квели.
Приказал Абул-Касим
привести к нему Гоброна.
«Говорят, непобедим
ты в бою, о славный витязь?
Мы с тобой соединим
наши ратные усилья,
станешь братом ты моим;
молод ты, умён, отважен,
послужить ты должен нам,
весь Восток дивиться будет
нашим доблестным делам,
женщин, золото, верблюдов
и рабов тебе я дам,
всё, что хочешь, но сначала
ты, Гоброн, прими ислам».

И, нисколько не смутившись,
отвечал ему Гоброн:
«Послужу тебе, коль скоро
Бог возвёл тебя на трон,
но прошу, оставь мне веру,
ту, в которой я рождён,
в этом я Святого Духа
благодатью утверждён —
от любви Христа Иисуса
не отречься моему
сердцу; сердцем сокрушенным
не служу я никому,

здесь готов служить тебе я,
там — Ему лишь одному,
никакой твоей награды
никогда я не приму».

«Вероятно, он не знает,
сколько скорби смерть таит.
Приведите всех, кто также
веру твёрдую хранит.
Пусть Гоброн на то посмотрит,
будет всяк из них убит!
И Гоброна с оснований
сдвинет страшный этот вид».

Видя мучеников гибель,
головою князь поник...
Но Христов не дрогнул воин,
воссиял святого лик,
братьев праведною кровью
начертал он в тот же миг
на челе своём высоком
крест — и меч его настиг.

Содержание

«Была здесь улица — она...»	3
Метехский мост	4
«Защищены, но не слишком права...»	6
Шествие на осляти	7
На оседлание Пегаса стихотворцем N	8
«Врага досужего кляня...»	10
«Петрова Божьей милостью поэта...»	11
«Призывая Ангела Господня...»	12
Феодосия	13
Клавдия Прокула	16
Мазаччо	18
Клеопа и Лука на пути в Эммаус	19
«О сад, какая радость мне...»	20
«...И вечер был. И были свет и тьма...»	21
«Помню, отец на рыбалку ночную...»	22
«Мне чья-то привиделась юность...»	23
«Не знаю я, как долго это длится...»	24
«Побудь же ещё хоть немного, покуда...»	25
«Вечерняя молитва» Милле	26
«Дворняги лают по дворам...»	27
«...И вы, кто заповедал мне молиться...»	28
Полевая почта	29
«Итальянка, христианка...»	30
La stazione di Venezia Mestre	31
«Светаёт. Узором ложатся следы...»	32
«Где умственное сплошь бесстыдство...»	34
«Отложился владетельный князь...»	35
«О, сколько помрачительных халдеев...»	36
«Увы, гармонии в прогрессе...»	37
«Дай мне, Боже, меру ума...»	38
«Я повстречал единственную ту...»	39
Бессонница	40
Звон небытия	42
«Комедиант, бродяга, мим...»	44

«Я шёл сквозь лес. Был день как день...»	45
Ветхий Адам	46
Кто остановит весну?	50
«Ты говоришь, что это не конец...»	52
«Поведай, отец, не тая...»	53
«Сладко живётся в родимом краю...»	54
Письмо	55
«Вещей очарование печально...»	56
Встреча	58
«Нельзя житийного клейма...»	59
«Ослеплённый волшебными снами...»	60

Стихотворные переложения
из грузинской житийной литературы

Давид Гареджа	63
Преподобный Шио Мгвимский, чудотворец	67
Мученик Гоброн и с ним 133 воина грузинских	71

Михаил Иверов. Метехский мост

редактор:
А. Переверзин

художник:
С. Труханов

корректор, технический редактор:
О. Тузова

В оформлении обложки использован фрагмент фрески Мазаччо «Чудо со статиром».

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 15.05.2014.
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 4,75
Тираж 500 экз.

Стихи Михаила Иверова обладают удивительной гармонией, уже практически утраченной в нашей поэзии. Среди какофонических экспериментов они свидетельствуют о вдохновении в пушкинском смысле этого слова. На фоне шулерской новизны они выглядят не сделанными, а рождёнными по наитию свыше.

Это преимущественно духовная поэзия, нимало не напоминающая стихи на «религиозные темы», столь распространившиеся в нынешнее время. Стихи Михаила Иверова исполнены чистоты, ясности и какой-то спокойной уверенности в сказанном. Потому что — я убеждён в этом — они исполнены любви. Той любви, которая не склонна заявлять о себе и которая «не превозносится и не гордится», по слову Апостола.

Игорь Меламед